

УДК 908(470+341.43)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/3

БЕЖЕНЦЫ ИЗ ПРИКАРПАТЬЯ В ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В 1914–1920 гг. (НА МАТЕРИАЛЕ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В.А. Абраменко

Ростовский государственный университет путей сообщения
Россия, 344038, Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка
Народного Ополчения, 2
E-mail: vladimir.abramenko@yandex.ru

Авторское резюме

В данной статье рассматривается деятельность правительственных и общественных организаций по обеспечению беженцев на территории Области войска Донского в период Первой мировой войны. В качестве исследовательского материала использованы данные, содержащиеся в фондах Государственного архива Ростовской области. Хронологическими границами исследования являются 1914–1920 гг. Такой период определен спецификой деятельности правительственных и неправительственных организаций по обеспечению материальных и духовных потребностей вынужденных переселенцев на новом месте жительства. Изучение официальных статистических отчетов правительственных и национальных беженских организаций позволило выявить определенную специфику. Она заключается в том, что сложился достаточно простой перечень национальностей, которые входили в эти отчеты: русские, поляки, галичане, латыши. Выделение других национальностей эпизодическое. Этот перечень в целом совпадает с перечнем наиболее активных национальных общественных организаций, действовавших на Дону и участвовавших в работе коллегиальных органов по оказанию помощи беженцам. Выделяются из этого списка галичане. В отчетах черкасского окружного атамана упоминаются русины вместо галичан. Характерно, что в сведениях о переселенцах выделения конкретных национальностей Прикарпатья нет, но достаточно подробно указаны православные епархии и костелы, из которых они прибыли. Анализ оказываемой беженцам помощи позволяет отметить, что все ее виды предоставлялись правительством независимо

от национальной принадлежности. Определенные особенности можно отметить в обеспечении религиозных потребностей. Список национальностей в официальных отчетах соответствует основным религиозным конфессиям. Это объясняет наличие всего четырех основных национальностей в этих отчетах и позволяет охарактеризовать термин «галичане» как преимущественно религиозный, включавший русинов, в том числе и прибывших в Прикарпатье из других западных губерний России.

Ключевые слова: Область войска Донского, Первая мировая война, беженцы, национальные благотворительные организации, галичане, русины, этническая и религиозная стратификация населения.

THE CISCARPATHIAN REFUGEES TO THE DON COSSACK HOST IN 1914– 1920 (FOLLOWING THE FUNDS OF THE ROSTOV REGION STATE ARCHIVE)

V.A. Abramenko

Rostov State Transport University
2 Rostov Strelkovyy Polk Narodnogo Opolcheniya Square,
Rostov-on-Don, 344038, Russia
E-mail: vladimir.abramencko@yandex.ru

Abstract

This article discusses the activities of government and public organisations to provide refugees to the Don Cossack Host during the First World War. The research is based on the data from the funds of the Rostov Region State Archive and limited chronologically by 1914–1920, which is determined by the specificity of the activities of the governmental and non-governmental organisations to ensure the material and spiritual needs of internally displaced people in their new place of residence. The study of official statistical reports of government and national refugee organisations has revealed a simple list of nationalities: Russians, Poles, Halychynians and Latvians, while other nations can be met episodically. This list is broadly consistent with the list of the most active national public organizations operating on the Don and participating in the work of the collective bodies for refugee assistance, with Halychynians standing out from this list. The records of the Cherkasy regional ataman mention Rusins instead

of Halychynians. It is typical that the records of refugees specify not nationalities of the Carpathian region, but the Orthodox Dioceses and churches where they came from. The analysis of the assistance provided for the refugees shows that all types of assistance were provided by the government to people regardless of their nationality. Certain peculiarities can be traced only in the provision of religious needs. The list of nationalities in the official records corresponds to the main religious denominations, which explains the fact that only four main nationalities are found in the official reports. Thus, the term "Halychynian" can be described as predominantly religious, including Rusins from other western provinces of Russia.

Keywords: The Don Cossack Host, World War I, refugees, national charities, Halychynians, Rusins, ethnic and religious stratification of the population.

События Первой мировой войны вызвали довольно широкое переселенческое движение жителей в рамках Российской империи. Несмотря на достаточно успешные действия русской армии в 1914 г., в результате которых была занята вся Галиция, в 1915 г. ситуация кардинально изменилась. Вместе с оставлявшими Галицию русскими войсками на восток хлынул значительный поток беженцев. Процесс переселения жителей западных губерний происходил как стихийно, так и организованно. Организованное переселение жителей шло под контролем специально созданных комитетов по устройству беженцев, а также в рамках привлечения частными компаниями специалистов в различные отрасли промышленности. Особое место в переселенческой политике России занимала эвакуация с оставляемых территорий лиц призывного возраста вместе с семьями. Немалую часть потока переселенцев составляли православные, не без оснований опасавшиеся репрессий со стороны австро-венгерской администрации (Ахременко 2016).

Одним из регионов, в которые были направлены беженцы, являлась Область войска Донского. Вопросы деятельности беженских организаций в Области войска Донского были освещены в работах Е.Ю. Климашкиной, Е.П. Лукьяшко, В.В. Немовой, А.Н. Курцева, Л.Т. Тоценко, Н.М. Пашаевой. Исследования данной проблемы во многом давали обобщенную характеристику ситуации с устройством беженцев, апеллируя к статистическим данным комитетов различных административных уровней и общественных организаций. Объединение нескольких южных регионов в один эвакуационный округ вносит определенные сложности в изучение ситуации конкретно в Области войска Донского. Нередко исследователи концентрируются на одном из аспектов помощи беженцам, недостаточно полно характеризую ситуацию с переселенцами в целом.

Деятельность организаций по обеспечению нужд беженцев нашла свое отражение в довольно значительном комплексе документов в Государственном архиве Ростовской области – преимущественно в фондах 26 (Управление Владикавказской железной дорогой Отдела путей сообщения Всевеликого войска Донского, г. Ростов-на-Дону, 1869–1924 гг. (5 253 ед. хр.)) и 345 (Донской областной комитет по устройству беженцев Министерства внутренних дел, г. Новочеркасск, 1915–1919 гг. (54 ед. хр.)).

С начала Первой мировой войны проблемы беженцев и «жертв военных действий» решались различными разрозненными организациями и учреждениями. По мере увеличения численности беженцев и учреждений, оказывавших им помощь, государство столкнулось с необходимостью создания централизованной и координационной системы, способной решать миграционные проблемы. Важную роль в этом процессе сыграл утвержденный 30 августа 1915 г. и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой «Закон об обеспечении нужд беженцев». К этому документу прилагалось «Положение об обеспечении нужд беженцев», в котором говорилось, что «заботы по обеспечению нужд беженцев возлагаются на министра внутренних дел, главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов и градоначальников, на земские учреждения и городские общественные управления, на местные комитеты». Согласно положению, органы власти имели право «приглашать к сотрудничеству общественные и частные учреждения, частных лиц и вообще все местные общественные силы» (ГАРО 1: 14). Под председательством министра внутренних дел было учреждено Особое совещание по устройству беженцев, которое должно было стать центром, объединяющим работу разнообразных учреждений и наблюдающим за целесообразностью тех или иных мер.

В Области войска Донского, входившей в VI район размещения беженцев (ГАРО 2: 150), проблемами расселения и трудоустройства переселенцев из западных областей, в частности из Прикарпатья и Бессарабии, занимался Донской областной комитет по устройству беженцев. Работа этой организации проходила в рамках деятельности Регистрационного бюро беженцев при Доно-Кубанском комитете Всероссийского земского союза и находилась в непосредственном контакте с главноуполномоченным по устройству беженцев внутри империи. Задачей этой организации было распределение прибывавших по районам и населенным пунктам ОВД. Распределение происходило в соответствии с возможностями обеспечения работой новых поселенцев (ГАРО 3: 5).

Комитеты по оказанию помощи беженцам начали формироваться в ОВД с середины августа 1915 г. Так, 15 августа войсковой наказной атаман получил телеграмму от главноуполномоченного Юго-Западного фронта князя Урусова, в которой предлагалась система мер по оказанию помощи беженцам. В том числе рекомендовалось создавать питательные пункты и для наибольшего успеха этого мероприятия налаживать «контакты с общественными и благотворительными организациями или использовать Татьянинский комитет» (ГАРО 1: 12). Кроме того, рекомендовалось открывать Бюро труда для трудоустройства работоспособных беженцев.

20 августа 1915 г. был создан Новочеркасский областной комитет по беженцам (ГАРО 3: 50) (с апреля 1916 г. переименован в Донской областной комитет по устройству беженцев (ГАРО 2: 10)). Председателем стал войсковой атаман генерал-лейтенант М.А. Туроверов (ГАРО 4: 136). 21 августа было разослано предписание окружным атаманам и начальникам, в котором требовалось создать «в вверенном округе / городе окружной / городской комитет под своим председательством» (ГАРО 5: 7). К октябрю 1915 г. система подведомственных областному комитету учреждений включала 9 окружных комитетов и 4 городских: Новочеркасский, Таганрогский, Азовский и Александровск-Грушевский (ГАРО 6: 5–6). Несколько позднее появился также и Ростовский городской комитет. В результате распределительными пунктами стали окружные станицы и города. Отсюда прибывавшие беженцы распределялись по станицам, хуторам и селениям. В свою очередь были созданы станичные, хуторские и сельские комитеты о беженцах (ГАРО 6: 11). Таким образом, была сформирована четкая система обеспечения нужд переселенцев, которая была представлена на всех административных уровнях, но с единообразными задачами и функциями. Областной комитет в этой системе осуществлял руководящую функцию, распределял между окружными и городскими комитетами денежные средства, непосредственной помощи не оказывая (ГАРО 5: 7).

Государством выплачивалась обязательная материальная помощь. Как правило, беженцам предоставлялись за счет казны следующие виды помощи: бесплатный проезд по водным и железнодорожным путям, продовольственный паек, квартирное довольствие, врачебная, религиозная и учебная помощь, призрение детей-беженцев и инвалидов, предоставление работы и юридической помощи, снабжение одеждой и обувью, выдача ссуд (ГАРО 7: 7–7 об.). Размеры этих пособий не всегда соответствовали ожиданиям представителей различных социальных слоев. В частности, люди интеллигентных профессий настаивали на повышении ежедневных выплат для обеспечения

привычного качества жизни (ГАРО 2: 29 об.). Проблема недостаточного материального обеспечения беженцев отчасти решалась за счет взаимодействия Донского областного комитета по устройству беженцев с национальными благотворительными организациями. Такие организации формировались на протяжении всего периода Первой мировой войны.

Материальная помощь выплачивалась исключительно лицам, переселение которых проходило в рамках государственной политики. В случае самостоятельного оставления прифронтовых регионов или мест размещения в тылу право на пособия терялось (ГАРО 8: 17 об.). Исключения делалось только в случае переселения к близким родственникам. Соблюдение такого строгого режима требовалось в связи со сложными погодными условиями во многих регионах и вызванным в результате этого неурожаем. Так, местная администрация просила наказного атамана не направлять беженцев в восточные районы ОВД или сократить их число в два раза (ГАРО 3: 25). Причина – неурожай и недостаток продовольствия, которого хватит лишь местным жителям. Учет пожеланий местных властей и точно лимитированное максимально допустимое число переселенцев позволяли избежать острых конфликтных ситуаций между переселенцами и местными.

2 марта 1916 г. министром внутренних дел А. Хвостовым были утверждены «Руководящие положения по устройству беженцев» (ГАРО 7: 3–7 об.). В этом документе предписывалось образовывать губернские, областные и городские совещания из представителей администрации, земских и городских самоуправлений, национальных и других организаций и учреждений, занимавшихся проблемами беженцев (ГАРО 7: 5–5 об.).

В состав новой беженской структуры вошли руководители общественных и национальных благотворительных организаций, деятельность которых достигла достаточно широкого распространения в области к этому моменту. Осуществляя на начальном этапе свою деятельность за счет собственных средств, позднее они могли рассчитывать на поддержку своих инициатив со стороны правительства. Для этого требовалось предоставление подтверждения гуманитарной работы среди беженцев – отчеты о количестве опекаемых, о выдаче материальной помощи деньгами или натурой, о содержавшихся на их балансе домах помощи сиротам, неработоспособным и женщинам.

В подавляющем большинстве эти организации были ориентированы на помощь представителям конкретных национальных меньшинств. Такое положение вызывало затруднение в части реализации некоторых социально значимых проектов. Например, предложение об открытии специальных пунктов медицинской помощи бежен-

цам-полякам было отвергнуто, поскольку правительство ОВД не могло ставить одну из групп населения в более привилегированное положение по сравнению с остальными (ГАРО 2: 50–51 об.). Такое решение, с одной стороны, несколько ограничило возможности развития сети медицинских учреждений в регионе, однако в то же время способствовало социальной стабильности и бесконфликтности взаимоотношений между коренным населением и переселенцами. Впоследствии, в 1917 г., когда социально-экономическая ситуация в России ухудшилась, тот факт, что беженцы получали материальное пособие, вызывал недовольство у местных жителей.

В работе Донского областного совещания по нуждам беженцев принимали участие, кроме представителей администрации, Отдел центрального обывательского комитета губерний Царства Польского (уполномоченный – Гейнцельман), Новочеркасский, Таганрогский, Каменский и Ростовский отделы Польского общества вспомоществования жертвам войны (председатель – Линд), Новочеркасский Латышский комитет помощи беженцам (председатель – Аугул) (ГАРО 9: 34–35).

Сеть действовавших на территории Области войска Донского благотворительных организаций не ограничивалась перечисленными выше. К марту 1918 г. их количество достигло 18 (ГАРО 5: 9–9 об.). Но в состав коллегиальных органов управления помощью беженцам они не входили. Следовательно, оказание реального воздействия на широкие массы переселенцев было затруднительно. Все эти учреждения, несмотря на свой различный статус, способствовали открытию и функционированию общежитий и приютов для беженцев, лечебниц, школ, питательных пунктов и церквей (ГАРО 8: 4 об.–5).

Для решения проблемы трудоустройства на Дону было создано Бюро по приисканию и распределению труда беженцев. Для упрощения привлечения переселенцев к сельскохозяйственным работам приоритет при расселении отдавался станицам и хуторам, а не городам Ростову, Новочеркаску и Таганрогу. Для решения проблемы самообеспечения беженцев в период полевых работ в добровольно-принудительном порядке людей задействовали на сельскохозяйственных работах. Отказ от них приводил к потере пайков и обеспечения. От трудовой повинности освобождались нетрудоспособные и несовершеннолетние (ГАРО 10: 21 об.). Преимущественно к полевым работам привлекались мужчины.

Особое значение имела деятельность по обеспечению религиозных потребностей православных и неправославных беженцев (ГАРО 11). Для первых это не являлось проблемой. Подавляющее большинство местного населения исповедовало православие. Проблема с католи-

ками и протестантами решалась путем привлечения ксендзов и пасторов из числа беженцев или назначения их из западных губерний. При необходимости местные власти обязаны были обеспечивать доставку прихожан к приходам за собственный счет.

Значительный интерес представляет проблема национального состава беженцев и особенностей их размещения на новых местах жительства, а также достоверности статистических сведений. Неотъемлемой составляющей этой проблемы является вопрос о восприятии масс беженцев официальной статистикой. Можно ли говорить о принципиальном делении прибывавших по национальному принципу, либо существовал какой-то иной принцип их группировки? Этот вопрос изучен на сегодняшний день относительно слабо. В то же время ответ на него помог бы решить целый ряд дискуссионных вопросов – например, о наличии или отсутствии в действиях российского правительства элементов дискриминации.

Историки опираются на официальные отчеты и используют перечень национальностей, указанный в них, без учета особенностей политической ситуации в Российской империи в начале XX в. Нередко современные геополитические реалии транслируются на ситуацию более чем вековой давности. Специфика российской имперской внутренней политики, которая предполагала значительное внимание к конфессиональной принадлежности конкретного человека, нередко не учитывается, в то время как этот фактор нередко являлся определяющим для выбора возможного жизненного пути. В частности, педагогическая деятельность в государственных учебных заведениях для лиц неправославного вероисповедания была запрещена. Следовательно, религиозный фактор являлся значимым во внутренней и внешней политике Российской империи, игнорирование которого недопустимо. В этой связи актуально рассматривать официальные статистические отчеты более многогранно.

Особенностью официальных статистических отчетов, сохранившихся в Государственном архиве Ростовской области, является отсутствие однозначных данных о том, из каких регионов прибывали эшелоны с беженцами. В целом можно сделать вывод, что подавляющее большинство прибывало с Волыни и Юго-Западного фронта. Более подробная информация сохранилась о православных беженцах. Достаточно подробно перечислены епархии, из которых они были эвакуированы (ГАРО 17: 42–42 об.). Согласно данным Регистрационного бюро беженцев на 15 января 1917 г., православных беженцев в Ростовском-на-Дону градоначальстве насчитывалось 8 729 чел. Из них русских-православных было 5 671 чел., галичан – 2 808. Кроме того, упоминаются айсоры в количестве 250 чел. Среди православных

епархий, из которых потенциально могли прибывать беженцы-галичане в ОВД, упомянуты Волинская, Львовская, Киевская, Подольская, Холмская, Варшавская. Кроме того, перечислены епархии Прибалтики, Белоруссии, Литвы и Польши. По официальным документам не прослеживается целенаправленная концентрация выходцев из тех или иных районов в новых местах временного размещения.

Среди наиболее крупных национальных групп беженцев, оказавшихся в Области войска Донского и зафиксированных в статистических отчетах, следует назвать русских, поляков, латышей и галичан. Характерно, что в официальных документах этнонимы «галичане» и «русины» использовались как тождественные. Представители всех остальных этнических групп могли быть включены в графу «другие национальности» или перечислены с указанием количества прибывших. Последний вариант в официальных документах встречается довольно редко.

Перечень основных национальностей в статистических отчетах имеет ряд особенностей. В первую очередь, упомянуты русские – титульная нация Российской империи, составлявшая абсолютное большинство ее населения. Русские являлись основной частью беженцев из западных губерний.

Также довольно многочисленную группу составляли поляки и латыши. Представители этих народов создали благотворительные организации для помощи соотечественникам, вынужденным покинуть родину. Эти организации существовали на территории всей империи и имели региональные представительства, в частности в Области войска Донского. Их деятельность происходила в тесном взаимодействии с официальными государственными структурами и в некоторой степени решала вопросы трудоустройства беженцев. Они выплачивали дополнительные пособия семьям и выдавали субсидии для организации собственного дела.

Выделение поляков и литовцев в официальных отчетах можно охарактеризовать как логичное и оправданное с точки зрения активности национальных благотворительных организаций. Их представители входили в состав коллегиальных органов, осуществлявших координацию работы с беженцами, активно предлагали свои проекты по улучшению жизни переселенцев. Один из важных вопросов, которые встают перед исследователями, – вопрос о достоверности статистических данных по полякам и литовцам. Эта проблема проистекает из того, что каждая национальная благотворительная организация, представляя периодические отчеты о своей деятельности, указывала число лиц, которым была оказана помощь. Проверить степень достоверности этих данных затруднительно, поскольку поименные списки

велись не всегда, а, следовательно, часть беженцев могла быть учтена неоднократно. Такая ситуация вполне устраивала благотворительные организации, однако с ней пыталось бороться правительство области.

Еще одной национальной группой, четко выделяемой в статистических отчетах, являлись галичане, или русины. Термин «галичане» явно преобладает над «русинами». Последние упоминаются только в донесении атамана Черкасского округа, в сообщениях из остальных отделов фигурируют только галичане. Причину такого положения по архивным материалам выяснить не удалось. Возможно, она кроется в компактном расселении представителей конкретной национальной группы. Именно по такому принципу происходило расселение беженцев, что отразилось, в частности, в документах польских и латышских национальных благотворительных организаций (ГАРО 10: 32–32 об.). Это облегчало контроль и налаживание контактов с местными властями и жителями, а также упрощало обеспечение их религиозных и гуманитарных потребностей. Слабое владение русским языком требовало больших усилий для социальной адаптации беженцев.

Изучение архивных документов не позволяет однозначно утверждать, представители каких народов были объединены этнонимом «галичане». Среди исследователей также нет единого ответа на этот вопрос. Большинство характеризует галичан как группу, преимущественно состоявшую из украинцев. Такой вывод нельзя назвать однозначным, поскольку в официальных документах нет достаточно подробного анализа этнического состава галичан. В то же время в официальной статистике отсутствует упоминание об украинцах или малороссах.

Галичане фигурируют как третья по численности национальная группа переселенцев в Область войска Донского. Статистические данные о количестве прибывших, на наш взгляд, более достоверны, чем по полякам и латышам. Это связано с тем, что крупных национально ориентированных благотворительных организаций галичан в Области войска Донского не существовало. В документах Государственного архива Ростовской области имеются единичные упоминания о деятельности Русского народного совета Прикарпатской Руси.

В отношении от 23 ноября 1915 г. № 2442 председатель Русского народного совета Прикарпатской Руси Дудин сообщал генералу М.А. Туроверову, что «главноуполномоченный по устройству беженцев предложил ему [Дудину] всех беженцев-галичан простого класса переселить из Ростова-на-Дону в область и просил... выяснить, в какие станицы и селения можно было бы направлять галичан-беженцев простого класса. В Ростове имеется около 3000 таких беженцев, по-

полам крестьян-земледельцев и городских жителей-рабочих разного рода, от чернорабочего до мастерового, мелких ремесленников, лавочников... Для устройства беженцев в указанных... местностях будут Русским народным советом предварительно командированы особые уполномоченные» (ГАРО 4: 136). На документе имеется резолюция с указанием станиц Кагальницкой, Мечетинской и Егорлыкской.

В справке от 26 ноября 1915 г. указано, что «беженцы-галичане в числе до трех тысяч человек могут быть размещены в Черкасском округе в станицах: Кагальницкой – 1 200 человек, Мечетинской – 850 ч. и Егорлыкской – 1150 ч.». Та же информация была направлена в Русский народный совет Прикарпатской Руси 28 ноября 1915 г. (ГАРО 4: 137–138).

По сведениям о количестве беженцев на 1 октября 1916 г., в Черкасском округе находилось всего 4 089 чел. Из них «русин – 11, поляков – 52, латышей – 6, остальные русские – 4 020» (ГАРО 18: 22). Эти данные резко расходятся со сведениями о предполагаемом переселении галичан из Ростова-на-Дону в область в 1915 г. Данные о том, что переселение состоялось, в документах Донского областного комитета отсутствуют. Однако факт запрета выплаты пособия лицам, не участвовавшим в полевых работах, позволяет предположить, что немалая часть галичан должна была согласиться на переселение. Никаких нареканий единичное появление этнонима «русины» в официальном отчете окружного атамана в канцелярии наказного атамана не вызвало. Это обстоятельство позволяет предположить, что причина заключается скорее в компактном расселении русинов именно в пределах Черкасского округа, что позволило более конкретно идентифицировать этническую принадлежность беженцев из Прикарпатья.

Упоминание галичан и русинов в одном официальном документе (в том числе в сводном статистическом отчете по ОВД за 1916 г.) отсутствует (ГАРО 18). Общее количество беженцев соответствует их числу по отдельным округам, но количество галичан и русинов в итоговом отчете суммировано. Не исключено, что часть галичан или русинов попала в статистику в категорию «русские».

Вопрос об отсутствии в период Первой мировой войны на территории ОВД активно действовавших национальных организаций галичан с большой долей вероятности позволяет говорить о том, что термин «галичане» использовался в официальных отчетах как обобщенный для характеристики населения, прибывшего с территории Прикарпатья. Существование и активное функционирование на Дону Ковенского отделения Западно-Русского общества по обустройству русских беженцев позволяет утверждать, что ограничений для пра-

вославных и лиц русской национальности по созданию собственных благотворительных организаций не существовало. Как исключительно беженская организация Ковенское общество в 1916 г. открыло Донское уполномочие для обслуживания нужд беженцев русской национальности (в том числе и из Волынской губернии), расселившихся в Донской области (ГАРО 5: 12).

Более подробную информацию о национальном составе галичан могли бы пролить сведения об их конфессиональном составе. Немалая часть жителей Галиции исповедовала униатство (Суляк 2011). В официальных отчетах отсутствуют упоминания о беженцах, размещенных в ОВД, которые принадлежали к униатской церкви. Никаких данных о необходимости проведения мероприятий по обеспечению религиозных потребностей униатов в городах, станицах и хуторах Области войска Донского в документах не сохранилось. Причиной этого могла быть недостаточная просвещенность галичан, которые называли свою веру «русской», не разбираясь в отличиях православия и униатства. Как результат в число галичан могли попасть и православные жители Буковины и Галиции, и галичане-униаты.

На этнографических картах западной части Российской империи (в том числе Галиции и Буковины) указаны различные этносы: гуцулы, бойки, лемки и т. д. В научной литературе и официальных отчетах российского и австрийского правительств перечисленные этнокультурные группы рассматривают как составные элементы русинского этноса (Суляк 2007).

Таким образом, можно выделить следующие характерные особенности, присущие этнониму «галичане» в официальных отчетах правительства ОВД:

- 1) отсутствуют данные о присутствии униатов в ОВД;
- 2) указаны православные епархии Галиции и Буковины и других западных регионов России, из которых прибыли беженцы;
- 3) отсутствуют упоминания этнических групп Прикарпатья, кроме русинов;
- 4) количество галичан и русинов в официальных отчетах могло резко отличаться.

Принципиального выделения галичан или русинов не производилось. Вероятно, статистические данные формировались в зависимости от личных ответов беженцев и впоследствии объединялись обобщенным термином «галичане». В качестве обобщающего признака можно выделить вероисповедание беженцев из Прикарпатья (православие и униатство).

Этнонимы «галичане» и «русины» нельзя считать полностью тождественными. В первом случае следует говорить об обобщенном

термине, объединявшем различные этнографические группы православного и униатского населения Прикарпатья. Он включал также и русинов из различных западных губерний России (Бессарабии, Холмщины), эвакуированных из Прикарпатья.

Это указывает на преимущественное значение для русского правительства именно религиозного фактора, а не национального. Связано такое положение с необходимостью обеспечения возможности оправления религиозных култов для всех беженцев. Проблемы для православных в этом отношении не возникало, следовательно, логично объединение определенной их части в рамках термина «галичане». Традиционная тождественность религии и национальности в Российской империи стала причиной формирования такого специфического перечня национальностей прибывавших беженцев. По своей сути он, скорее, соответствует перечню основных конфессий.

Еще одной составляющей проблемы беженцев являлась проблема обеспечения кадрами промышленных предприятий ОВД. Переселенцы прибывали из западных промышленно развитых губерний. Многие из них были квалифицированными специалистами и рабочими. Такие люди были очень востребованы на стратегических предприятия юга России, в частности на Владикавказской железной дороге.

Это предприятие обеспечивало как военные, так и гражданские перевозки в южных губерниях, а также ремонт военных поездов с Западного фронта и комплектование паровозных бригад для работы в прифронтовой местности. Затянувшаяся война требовала экономии и оптимизации промышленного производства, в том числе и железнодорожного транспорта. Так, в Грозненском депо производился ремонт поврежденных на Западном фронте поездов. Для ускорения процесса привлекались военные бригады, расквартированные в городе на условиях вольного найма, а также немецкие и австрийские военнопленные (ГАРО 11).

Дефицит кадров резко обострился, особенно в части рабочих пути, машинистов и помощников машинистов. Именно специалисты указанных профессий активно привлекались из Прикарпатья и Бессарабии на Владикавказскую железную дорогу. Этот процесс не прекратился и после подписания Брестского мира, и после окончательной капитуляции Германии.

В условиях общего движения реэвакуации из ОВД на Украину, в Прибалтику, Польшу и Бессарабию после революций 1917 г. имел место факт привлечения 22 железнодорожников из Бессарабии для работы на линиях Владикавказской железной дороги в 1919 г. (ГАРО 12: 2). Национальный состав прибывавших определить не

представляется возможным, поскольку матрикульные листки бывших служащих железных дорог Бессарабии не сохранились. Точные участки, на которых они работали до переезда, также неизвестны. Но территория Бессарабской железной дороги была довольно обширной и включала земли, на которых проживали русины. По косвенным признакам (именам и фамилиям) можно сделать вывод о принадлежности прибывавших к славянским народам. Исходя из особенностей этнического состава населения региона, можно с достаточно большой вероятностью утверждать, что немалая часть из них были русинами. Этим специалистам предприятие оплачивало переезд, выдавало подъемные средства и обеспечивало их рабочими местами. Характерно, что не все из прибывших оставались работать на железной дороге, некоторые трудоустраивались самостоятельно. Это однозначно указывает на большую заинтересованность именно предприятия в привлечении кадров, а не самих переселенцев.

Данный факт особенно примечателен в контексте прекращения выплаты государственных пособий беженцам и обострения конфликтов с местным населением. В октябре 1917 г. областной комитет в связи с разрушением центральной власти перешел в ведение Войскового правительства (ГАРО 13: 2). К тому времени поток беженцев стал более хаотичным и неконтролируемым. Попытки ограничить число прибывавших на Дон мигрантов (7 500 чел.) по причине разливов рек, неурожая и, как следствие, роста напряженности между местным населением и беженцами не дали положительных результатов. После 1917 г. беженцы из западных губерний стали пополняться потоком переселенцев из занятых большевиками районов. Ликвидация Временного правительства прекратила финансирование из казны областного комитета и его структур, как и самих беженцев (ГАРО 5: 8). Окончательно областной комитет помощи беженцам был ликвидирован в 1918 г. после создания Донской Советской Республики. Апрельская программа наркома внутренних дел запретила выдавать беженцам пайки, предлагая «призреваемых удовлетворять натурой», а средства направить на содержание приютов, училищ и убежищ (ГАРО 1: 1 об.). Сформированное в апреле 1918 г. Всевеликое войско Донское сосредоточило средства на активной эвакуации беженцев в связи с ростом социальной напряженности, нехваткой продовольствия, отсутствием работы и прекращением выдачи пайков (ГАРО 14: 98–99). Объективно ситуация с беженцами не упростилась. Поток мигрантов из Центральной России и Сибири компенсировал количество отъезжавших на запад. 26 февраля 1919 г. войсковой атаман утвердил «Положение о призрении беженцев из поселений войска Донского, занятых большевиками» (ГАРО 15: 1), а с 1 марта

1919 г. были окончательно ликвидированы областной, девять окружных и два городских комитета по устройству беженцев, прибывших в период Первой мировой войны (ГАРО 16: 19).

Привлечение железнодорожников с Бессарабской железной дороги явно не являлось частью переселенческого движения от фронтов гражданской войны, а было обусловлено нехваткой квалифицированной рабочей силы на стратегических предприятиях юга России.

Подводя итог, можно отметить, что прибытие беженцев в Область войска Донского находилось под значительным контролем со стороны государства. Продуманное распределение беженцев по населенным пунктам, деятельность национальных благотворительных организаций, высокий уровень образования и квалификации среди переселенцев, востребованность специалистов и рабочих на промышленных предприятиях региона, национальная и религиозная близость населения ОВД и беженцев определили легкость и относительную бесконфликтность включения прибывавших в социально-экономическую структуру региона.

Вопрос о содержании и степени тождественности этнонимов «галичане» и «русины» остается открытым. Однозначно можно утверждать, что в официальных отчетах организаций, занимавшихся проблемами беженцев в период Первой мировой войны, идет речь о православном (либо униатском) населении, прибывавшем с территории Восточной Галиции (современных Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской областей Украины), а также из соседних Буковины, Бессарабии и Восточной Польши. Такой вывод позволяет составить перечень православных епархий, из которых прибывали беженцы. В условиях религиозной дискриминации православного населения и движения фронтов перемещение усиливалось, что позволяет предположить более широкую географию беженцев. По совокупности фактов можно охарактеризовать термин «галичане» как более емкий и общий, включающий в себя русинов. Изучение особенностей составления официальных статистических отчетов о беженцах в Области войска Донского в период Первой мировой войны и видов гарантированной российским правительством помощи переселенцам позволяет охарактеризовать термин «галичане» как обобщающий для большой группы беженцев из Прикарпатья, объединенных религиозными и этническими признаками. Термин «русины», в свою очередь, являлся более узким, включавшим православных по вероисповеданию русинов, оказавшихся в ОВД. Его самостоятельное появление в официальной статистике требовало стечения целого ряда обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

Ахременко 2016 – Ахременко Д.А., Шевченко К.В., Кривочуприн Е.Л. Забытая трагедия русинов: национальная политика Габсбургов в годы Первой мировой войны. Брянск: Историческое сознание, 2016. 215 с.

ГАРО 1 – Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 345. Оп. 1. Д. 3.

ГАРО 2 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 12.

ГАРО 3 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5.

ГАРО 4 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 4.

ГАРО 5 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 40.

ГАРО 6 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 2.

ГАРО 7 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 11.

ГАРО 8 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1.

ГАРО 9 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 34.

ГАРО 10 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 6.

ГАРО 11 – ГАРО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 32

ГАРО 12 – ГАРО. Ф. 26. Оп. 8. Д. 573.

ГАРО 13 – ГАРО. Ф. Р–2577. Оп. 2. Д. 9.

ГАРО 14 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 45.

ГАРО 15 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 46.

ГАРО 16 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 39.

ГАРО 17 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 22.

ГАРО 18 – ГАРО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 15.

Суляк 2007 – Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

Суляк 2011 – Суляк С.Г. Русины: из истории православной традиции // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2011. № 5–3. С. 130–134.

REFERENCES

Akhremenko, D.A. (2016) *Zabytaya tragediya rusinov: natsional'naya politika Gabsburgov v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Forgotten Tragedy of Rusins: The Habsburg National Policy During WWI]. Bryansk: Istoricheskoe soznanie.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 3.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 12.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 5.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 4.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 40.

The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 2.

- The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 11.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 1.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 34.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 6.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 26. List 4. File 32.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 26. List 8. File 573.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund R-2577. List 2. File 9.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 45.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 46.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 39.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 22.
The State Archive of Rostov Region (GARO). Fund 345. List 1. File 15.
Sulyak, S.G. (2007) *Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee* [Rusins in history: the past and the present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56.
Sulyak, S.G. (2011) *Rusiny: iz istorii pravoslavnoy traditsii* [Rusins: From the history of the Orthodox tradition]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"* – *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 5–3. pp. 130–134.

Абраменко Владимир Александрович – доцент кафедры теории организации и управления персоналом гуманитарного факультета Ростовского государственного университета путей сообщения (Россия).

Vladimir A. Abramenko – Rostov State Transport University (Russia).

E-mail: vladimir.abramenko@yandex.ru